Александр РОЗЕНБАУМ:

КАЗАЧЬЯ ТЕМА - ОСОБЕННАЯ

Борис ОРЕХОВ

Не просто народному, а всенародно любимому артисту России недавно исполнись 75.

Юбилей он отметил не за столом, а с гитарой на сцене.

Кадр видео

В ИХ ПЕСНЯХ ИНТЕРЕСНЫЙ РАСПЕВ

- В вашем репертуаре целый цикл казачьих песен. Что подвигло обратиться к этой теме?

- Народное творчество, народные песни - это ведь рок-н-ролл. Для того чтобы это было понятно большому количеству людей, которые, может быть, не понимают этого. Особенно молодые. Это драйв, это душа. Что вызывает совершенно потрясающие эмоции. Казачество для меня - это всегда традиция моей земли. Это воля моей земли. Это ветер. Это уклад жизни, который мне очень люб, говоря казачьим языком. Казаки-то у нас и донские, и кубанские, и сибирские, и волжские, и так далее, и тому подобное. У них интересное творчество, интересный распев. И, конечно, душа. Во мне это очень ярко, наверное, проявилось. И ведь столько уже оттоптались на этом, столько я уже слышал по этому поводу, что я им всем ответил однажды так, стихами: «Дитя подвалов и чердачных лестниц, Родился я на проходном дворе. И коль еврей поет казачьи песни, то, значит, раки скоро свистнут на горе».

Вот они свистят уже в полный рост. Это мои песни. Я всегда говорю, что я русский националист еврейской национальности. Нравится кому-то это или не нравится. Если бы я был евреем американским, я бы, наверное, как Боб Циммерман, он же Дилан, писал блюзы, рок-баллады. Хотя они у меня тоже есть. Но казачья тема - особенная. Это моя земля, это воля, свобода, жизнь моих людей, с которыми я делю землю, которая называлась раньше Советский Союз, а ныне - Россия.

АКАДЕМИК ЭРИК КЛЭПТОН

- У вас есть кумиры? Может быть, были?

- Кумир, в полном смысле этого слова, у меня был один - Валерий Попенченко, легендарный боксер, олимпийский чемпион. Мы пацанами, когда я сам занимался, не могли спокойно проходить мимо зала, в котором он тренировался. А так есть люди, у которых я учусь, которым я внемлю. На которых я стараюсь не то чтобы быть похожим, стараюсь походить в определенных моментах жизни и труда. Их достаточное количество. Это и мама с папой прежде всего, потому что все идет из семьи. Это и некоторые учителя из средней и высшей школы, которые очень многое мне дали в жизни. Это мои творческие друзья и коллеги. Я смотрю на разные вещи у тех людей, которые мне интересны. Как они выходят на сцену, как кланяются, как идут по улице, разговаривают.

- В музыке есть примеры для подражания?

- Рок-музыканты, которых я обожаю с шестидесятых-семидесятых годов. Но тут есть своя градация. Например, Маккартни или Стинг для меня профессора. И все остальные. Академик только один - Эрик Клэптон. Кумир ли это? Нет, не кумир, но это для меня высшее достижение в творчестве. Я хотел бы научиться играть, как Клэптон, некоторые песни. Хотя некоторые я играю лучше.

Не каждому дано создавать хиты, которые полюбились миллионам, и трудиться, не покладая гитары, изо дня в день уже много десятилетий.

Евгения ГУСЕВА/kpmedia.ru

ЦИФРОВОЕ ТВОРЧЕСТВО

«БЕЛАРУСЬ - ШИКАРНАЯ»

Певец признался, что ему хорошо в Синеокой.

- В сентябре вы выступили с концертами в Минске.

- Да, во Дворце при полном аншлаге.

- Много раз вы бывали в республике еще с советских времен. Что лично для вас Беларусь?

- Очень ее люблю. Беларусь, по-моему, невозможно не любить. Еще раз хочу сказать, я - дитя Советского Союза. Это не эпатаж. Я вырос в СССР. Да, глубинная Азия для меня, ну, экзотика, скажем так. Хотя Ташкент, Алма-Ату очень любил. А вот Прибалтика, с которой я вообще рядом через Нарву, всегда была для меня заграницей. Всегда. Там даже окна в домах другие. Но уж Беларусь, Украина, Россия - это моя родина. Родину не любить невозможно. Беларусь - шикарная страна. О ней можно говорить очень-очень долго. И каждый раз езжу туда с огромнейшим удовольствием. Я там всегда как дома.

- Вообще много приходится путешествовать с концертами?

- Постоянно. Я уже больше сорока лет в дороге - семь-восемь месяцев в году гастроли. Россию объездил всю. Не был только в двух городах - Певеке и Анадыре. Надеюсь, и туда когда-нибудь доберусь наконец.

- Теперь - о горячем. Сейчас бешеными темпами развивается искусственный интеллект. Для людей творческих ИИ - помощник, друг? Или враг?

- Тут дело очень интересное. Кое-что напомню для сравнения. Когда появились синтезаторы и всякие компьютеры, из ресторанов повыгоняли всех музыкантов. И там, где раньше в кабаках играли целые коллективы, теперь сидел один чувак на клавишах с забитыми аранжировками и сам же пел еще. И это было не только у нас, во всем мире. Огромное количество музыкантов осталось без работы. А потом все вернулось на круги своя. Ну не может этот электронный фраер заменить живых исполнителей, тем более, если они классно играют, с душой.

- То же самое, полагаете, случится с ИИ?

- Надеюсь, скажем так. Конечно, проводники-фантасты все уже давно нарисовали и даже сняли кинофильмы. Все это будет, ребята. Будем надевать всякие визоры, ты будешь во Владивостоке, другой - на Чукотке, я - в Ленинграде, купим три билета на концерт «Битлз» где-нибудь в Лос-Анджелесе, сядем в седьмом ряду, возьмем напитки себе - вкус даже будем чувствовать - и послушаем концерт битлов, которых давно нет. Это будет. Но никогда искусственный интеллект, который будет делать жизнь, а тем более сегодня, не заменит человека. С ним надо работать. Наверное, лет через пять-семь что-то произойдет.

ИСТОКИ

РОДНОЙ ЛЕНИНГРАД

Родители научили профессию любить.

- В завершение вернемся к истокам. Все мы родом из детства. Чему самому важному вас научили родители и что вы хотели бы сейчас передать своим внукам?

- У меня все просто: мама - гинеколог, папа - уролог. Поэтому они особо дома-то не присутствовали. Я с бабушкой все время был, по сути. Но я благодарен отцу прежде всего, потому что он мужик, он хозяин семьи. Он начальник, как бы там ни было. И мама его шеей не крутила, так, подкручивала чуть-чуть. Они меня научили тому, что за свои слова надо отвечать. Профессию любить и в ней жить. Ночью, вечером, в любое время суток могли сорваться к больному, чтобы помочь, где бы тот ни находился. Отец блюл семью. Не допускал, чтобы мама ходила в плохой одежде, а дети сопливыми и голодными. У нас не было много-го, в обычной коммуналке жили. Но всегда были чистенькими, если не во дворе, конечно, и сытыми. Без ежедневных деликатесов, которые, впрочем, были всегда к праздникам, как у всей советской страны. И зеленые бананы, которые мама заворачивала в газету, клала на шкаф, и они месяц вызревали там, пока мы с братом до них доберемся. Папа и мама хотели, чтобы их дети, семья, их больные, работа - все было в порядке. А для этого нужно трудиться, трудиться и еще раз трудиться. При этом не забывать друзей, не забывать встречать праздники, выпивать, закусывать обязательно. И прятать от детей блатные песни на кассете. Прежде всего они научили труду и ответственности. Это самое главное, и мне бы это хотелось передать внукам. Ведь все, что мы девочкам заливаем, это все очень круто, конечно. Заливать можно с утра до вечера, но надо сначала работать. А потом уже заливать про то, что ты сделал, может быть.

- До сих пор вы называете Санкт-Петербург Ленинградом. Почему?

- Да, я ленинградец. Родился в Ленинграде, вырос во дворе на Невском, здесь прошла вся моя сознательная жизнь. Счастлив, что Санкт-Петербургу вернули его родное имя. Но петербуржцы - это моя бабушка, мои внуки. Они родились в Санкт-Петербурге. А я - ленинградец. Вся моя жизнь связана с Ленинградом, его победами и достижениями, его славой, а она немалая. Все мы знаем о героическом военном времени, стойкости жителей во время блокады. Таких страниц в его истории много. Поэтому всегда и всей душой остаюсь со своим городом.